

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ВЦИОМ
«Вызовы для электоральной социологии и прогнозирования
– результаты контрольной точки 18 марта»
(22 марта 2018, 17:00, Институт ВЦИОМ)

Модератор (Валерий Федоров, ВЦИОМ):

Коллеги, я предлагаю начать без опоздания. Я с вашего позволения буду модерировать и обозначу вектор, фокус в рамках этой кампании. ВЦИОМ, как и другие исследовательские центры, проводил много интересных исследований не только опросов, в частности занимались мы и прогнозированием результатов. При этом, какого-то широковещательного освещения именно прогностической части не было по разным причинам, в том числе потому, что нас попросили не программировать результат, не навязывать никому.

В рамках предыдущих избирательных кампаний, где мы чаще говорили о прогнозах, такие обвинения тоже звучали вплоть до того, что вы обнародуете свои прогнозы для того, чтобы обозначить контрольные цифры, к которым потом будут, значит, тянуть цифры реальные. Для нас это всегда было странно, но, тем не менее, такая точка зрения фигурировала и нам это предъявляли в вину. В этот раз мы поступили по-другому, всего один мы прогноз обнародовали, причем, обнародовали его в последний день разрешенный для публикации опросных данных, это было 12 марта. Уже тогда многие печатные СМИ по чисто техническим причинам не могли их опубликовать, из тех, кто мог, не все увидели. Поэтому в частности уже поствыборная публикация, скажем, газета РБК вышла, значит, и начала сравнивать с результатом голосования не наши прогнозы от 12 марта и не прогнозы коллег из Фонда общественного мнения, а они, насколько я знаю, тоже были обнародованы, а опросы. Мы с ними поругались немножко, в итоге они изменили формулировки, но в любом случае, конечно же, вот этот бесценный опыт очень интенсивного изучения, анализа и прогнозирования результатов, он, на мой взгляд, не должен оставаться за семью печатями.

Мы решили сегодня рассказать о нашей методологии прогнозирования, предъявить результаты, предъявить динамику этих прогнозов и пообсуждать, насколько, какие из них более оказались эффективными, на каких дальше стоит нам сосредоточиться, а какие, может быть, не так хороши и не так применимы к нашим российским реалиям.

Главный доклад от ВЦИОМа сделает Юлия Баскакова. Она у нас, собственно говоря, и руководит практикой мониторинга и прогнозирования и в рамках этой кампании аж пять методов прогнозирования она реализовала. Дальше будет выступление Олега Чернозуба, который шестой метод прогнозирования разработал и применил. Дальше, я надеюсь, подключатся коллеги из ФОМ. И дальше свободная дискуссия. Вот такой план.

Юлия Баскакова (ВЦИОМ): Уважаемые коллеги, добрый день. Мы в этот раз, как всегда прогнозировали выборы, очень увлеченно. Перед нами стояла непростая задача - угадать победителя. Шутки шутками, а у каждого социолога, который проводит опросы общественного мнения, стоит задача доказать, что его данные заслуживают доверия. И единственный бенчмарк, с которым мы так или иначе можем сверять свои данные, – это результаты выборов. Так делают не только поллстеры, которые занимаются политическими исследованиями, но и маркетологи. Недавно на последнем мировом конгрессе ESOMAR огромный доклад Кантара был посвящен результатам прогнозирования выборов на протяжении десятилетий. Этот доклад имел целью показать: что поллстеры могут предсказывать результаты выборов, а, значит, нашим опросам, в том числе нашим маркетинговым исследованиям можно верить.

Казалось бы, что особенно предсказывать в этот раз, кампания имеет явного лидера. Наверное, было не очень трудно предсказать даже порядок кандидатов, а это один из критериев успешности прогноза, кто займет второе место, кто займет третье место. Но вместе с тем были вопросы, которые оставались без ответов. Например, какова будет явка и каков может быть официальный результат. До того, как кампания вступила в свою активную фазу, мы провели опрос экспертов. Мы собрали уважаемых коллег, мы обратились к ним и задали им вопрос: «Как вы думаете, какой может быть явка в этой кампании и какой может быть результат этих выборов, сколько смогут набрать основные их участники?». Вот здесь на этой диаграмме приведены те диапазоны значений, которые нам уважаемые эксперты дали. Мы видим, что несмотря на всю, казалось бы, предсказуемость кампании, которая предстояла, разброс диапазонов довольно большой. Тот официальный результат, который обозначен синим квадратиком, находится на границе этих диапазонов. Так, например, явка у нас попадает ровно в середину диапазона тех прогнозов, которые нам давали эксперты. Эксперты прогнозировали от 60% до 80% очень щедро. Приятно давать прогноз от 60% до 80%, когда вы работаете экспертом. Но если вы прогнозирует изменение цены или какой-то маркетинговый показатель, наверное, это не очень хорошо. Когда мы смотрим на прогноз первого лица, мы видим, что официальный результат - в точке максимального экспертного прогноза. Большинство экспертов давали набор значений, который укладывается в прямоугольничек, который заметно ниже. Многие опускались даже еще ниже этого прямоугольничка и давали результат 60, например, 65, им казалось, что может быть такой результат. Тоже достаточно большой диапазон, снова от 60% до 80%. Результат Павла Грудина - на нижней границе прогноза экспертов. Результат Владимира Жириновского даже за нижней границей экспертных прогнозов. То же самое с результатом Ксении Собчак, Григория Явлинского, Бориса Титова. То есть мы видим, что несмотря на всю предсказуемость кампании, некоторый предмет для прогнозирования у нас все же был.

Когда мы прогнозируем кампанию такого типа, которая выглядит предсказуемой, нам также нужно отвечать на вопрос: насколько мы можем доверять тем ответам, которые дают нам респонденты. Голос в поддержку кандидата может означать не только желание активно встать с дивана, пойти на выборы, его поддержать, но и просто

согласие с ситуацией, удовлетворенность текущим положением дел, нежелание что-либо менять. И в результате у нас возникал вопрос: как отделить голоса «За», от голосов «Не против», как прогнозировать явку для этих двух разных типов поддержки. Для этого мы использовали технику непарных чисел, которая нам давала очень различные результаты. Например, по телефонному опросу мы получали результат поддержки первого лица на уровне около 60%, по квартирному опросу он получался несколько ниже. В каком диапазоне мы могли работать, в каком диапазоне мы могли прогнозировать, как мы могли оценивать мобилизацию этих людей? Вполне себе реальный вызов.

Какими методиками мы в этот раз пользовались. Те самые пять методов, которые Валерий Федоров анонсировал несколькими минутами ранее. Это вероятностный прогноз, рынок электоральных прогнозов, сценарное прогнозирование, прогнозирование поведения социального окружения и прогноз статистическими методами по данным опросов. На каждом из этих методов я сейчас остановлюсь немножко подробнее, а потом покажу сравнительную картинку того, как же они на самом деле сработали, где мы попали, а где мы не попали.

На диаграмме, которую вы видите сейчас, опубликован обычный опросный рейтинг, когда мы задаем респонденту вопрос: за какого кандидата вы проголосуете, если выборы состоятся в ближайшее воскресенье. Данный опрос проведен 17 марта, накануне выборов. Конечно, мы это не публиковали. По квартирному опросу данные на более раннюю дату. И вот он тот самый рейтинг, про который нам задают вопросы журналисты: почему у вас при таком рейтинге получаются совершенно другие результаты выборов. Это то, как мы строили наши оценки результатов выборов много лет назад, когда еще у нас не было прогнозных моделей. Понятно, что этот рейтинг не учитывает людей, которые затрудняются ответить, он не учитывает людей, которые не пойдут на выборы и, конечно, он не может быть экстраполирован на результаты выборов.

Первая модель, которую мы применяли, - это разработка Игоря Вениаминовича Задорина, которую мы использовали на протяжении 11-ти лет. Эта модель позволяет нам получить некоторый расклад намерений избирателей с учетом того, что каждый человек может поступить по-разному, в зависимости от его настроения. Что мы делали. Мы брали один голос каждого избирателя и делили этот голос на несколько частей. Мы спрашивали у избирателя: «За кого он проголосует?». Он нам говорил, например, «Я проголосую за Владимира Путина». Мы этот один голос отдавали Владимиру Путину. А потом мы спрашивали: «Вы пойдете на выборы?». Он говорил: «Может быть, пойду». И тогда мы делили его голос уже на два голоса: 0,9 его голоса мы отдавали Владимиру Путину, а 0,1 его голос - за то, что он не пойдет на выборы. Потом мы задавали дополнительные вопросы, выясняли, может ли респондент передумать, уверен ли он в своем решении, насколько он уверен в своем намерении участвовать в выборах и таким образом, у нас голос этого респондента распадался на несколько частей за разных кандидатов. Таким образом мы получали электоральный расклад. Этот электоральный расклад учитывает очень большое количество факторов, я их еще покажу, но он дает

совершенно другие прогнозные оценки. Вот эти прогнозные оценки на графике вы видите. Мы видим, как здесь 69% рейтинга магически трансформируется в 72% прогноза по телефонному опросу, например. Как это происходит. Это происходит следующим образом: сначала мы оцениваем вероятность участия и в табличке приведен длинный список факторов, которые учтены при оценке намерения респондента пойти проголосовать. Это знание о дате выборов, опыт в голосовании, интерес к выборам, опыт голосования в 2012-ом году, уверенность в намерении участвовать, уверенность во влиянии результата выборов на жизнь респондента и прочее. Причем, мы это делали на данных двух методов исследования: на данных квартирных опросов и на данных телефонных опросов. Как мы знаем, коммуникативная ситуация в ряде случаев влияет на ответы респондента, она влияет по-разному, в одних случаях в плюс, в других случаях в минус, но мы эту разницу игнорировать не могли. Уже два года ВЦИОМ ведет комбинированные исследования и, в общем-то, мы опираемся на оба этих метода. В результате мы получали динамическую оценку явки, которую мы видим на графике сверху, она увеличивается в периоде с января по март. Коридор обозначен бледными зелеными линиями между данными квартирного опроса и телефонного опроса.

Как по этой модели мы оценивали вероятность участия, вероятность голосования респондентов за разных кандидатов. Мы брали целый ряд факторов: рейтинги кандидатов, рейтинги кандидатов с учетом намерения голосовать, мы оценивали уверенность респондента в намерении проголосовать за определенного кандидата, второй выбор, антирейтинг. Мы видим здесь сравнение всех этих показателей по всем основным кандидатам. Все эти показатели учтены в комплексном прогнозе, который у нас получается в результате вот на этом графике, который мы уже обсудили.

Следующий вид прогнозов, который мы подключили, это было два года назад, - рынок электоральных прогнозов, мы его впервые опробовали на думских выборах. Чем удобен и чем прекрасен рынок электоральных прогнозов? Он позволяет нам опираться в наших прогнозах не только на исследования общественного мнения, но и привлекать экспертные оценки. Мы имели такой опыт и ранее, мы проводили экспертные опросы, мы писали вам письма, звонили многим из вас, коллеги, по телефону и просили: «А дайте, пожалуйста, свою экспертную оценку по поводу уровня явки, сколько голосов наберет тот или иной кандидат?». Мы столкнулись с тем, что многие уважаемые эксперты ориентируются в конечном итоге на те же самые опросы. В результате мы получали данные, которые очень близки и которые нас не очень сильно обогащали. История этого понятна, каждый раз давая прогноз, эксперт рискует своей репутацией, ставит ее на кон. Рынок электоральных прогнозов дает возможность эксперту оценить свою правоту, получить подтверждение своих экспертных оценок, не рискуя своей репутацией.

Как это работает? Рынок электоральных прогнозов - это сайт, движок, который работает как рынок акций. Вы там регистрируетесь, вы получаете виртуальный капитал, вы получаете какое-то количество акций, вы делаете ставки на покупку и на продажу. Ваша задача не угадать результаты выборов, не угадать явку, ваша задача увеличить

свой капитал. Вы видите, что акции кандидата продаются по одной цене, например, акции Грудинина продаются по 11 условных единиц. Вы предполагаете, что он наберет не менее 14% голосов избирателей, а, может быть, все 20%. Вы радостно их покупаете по 11, ждете, когда его котировки подрастут и либо их продаете, либо держите до дня голосования в надежде, что тут ваш капитал увеличится намного и вы выиграете приз, потому что победителям мы даем призы. Так это работает. За счет чего возникают колебания котировок? Колебания котировок являются реакцией на изменение информационного фона и мы видим, что колебания котировок действительно были. Вот, например, на графике колебание котировок явки. Сначала она у нас прыгала вверх и вниз, потом она у нас стабилизировалась на уровне явки прошлого года, примерно, прошлых выборов 65% и ровно за неделю до выборов, за полторы явка резко пошла вверх, ставки на явку стали возрастать, прогноз явки резко увеличился, потом он несколько снизился, но все равно явка пошла в рост. И прогнозный рынок, кстати, точнее всех угадал явку. Трейдеры оценили то, что не могут сделать поллстеры. Кстати, среди поллстеров на мировом уровне нет надежных методик прогнозирования явки, кроме, как ретроспективно, поэтому прогнозный рынок здесь оказался вполне палочкой-выручалочкой. На следующем графике то же самое колебание котировок мы наблюдаем по первому лицу: акции сначала росли, потом стабилизировались, потом они резко скакнули вниз и здесь многие трейдеры, которые делали ставку на понижение, проиграли. Здесь, вероятно, сказался экспертный пессимизм. Было большое количество дискуссий, каков может быть результат выборов. Возможно, были ориентиры на экспертные высказывания, что результат должен быть 70 на 70, возможно, были ориентиры на какие-то другие высказывания. Тем не менее, это тот случай, когда рынок промахнулся. Мы можем понаблюдать за динамикой котировок по другим кандидатам. Мы видим динамику котировок Павла Грудинина, мы видим огромные свечи – это значит, что большие колебания цены внутри одного дня, акции активно покупались, активно продавались, кто-то делал на этом большие виртуальные капиталы и, в общем-то, они в конце стабилизировались на уровне 14, но потом в последние дни перед закрытием они упали до 12,5. Акции Жириновского в то же время практически не вызвали интереса, они торговались на минимальных объемах. Серые полосочки это объем. Колебания цены мы практически не видим. Из малых кандидатов интерес вызывали акции Ксении Собчак, ее акции то скачут вниз, то прыгают вверх в то время, как акции Явлинского, Сурайкина, Бабурина, Титова оставались практически на одном маленьком уровне с минимальной динамикой. То есть фактически мы могли оценить шансы этих кандидатов и их перспективы преодолеть те рамки, которые им задавали эксперты. Кому-то давали 1%. Мы увидели, что у Собчак были хорошие шансы по оценкам трейдеров выскочить за этот процент довольно далеко, а у кого-то этих шансов не наблюдалось с самого начала.

Третий метод, который мы использовали, – это сценарное прогнозирование, основанное на модели Гэллапа. Как работает модель Гэллапа. Модель Гэллапа – это модель выделения вероятных избирателей, мы всех наших респондентов делим на две группы: те, кто пойдет на выборы, и те, кто не пойдет на выборы. Вопрос в том, как это

сделать. И дальше мы строим наши оценки и прогнозы только от тех, кто пойдет. В Штатах, например, поллстеры даже свои выборки строят на опросах, сразу фильтруя тех респондентов, которые говорят, что они не будут участвовать в выборах, их просто не опрашивают, это дает возможность увеличить выборку и собрать больше голосов тех, кто, по оценкам, пойдет. На основе каких вопросов мы можем фильтровать эти оценки. Есть несколько моделей, которые распространены в литературе, мы взяли четыре модели, наиболее широко применяемые на Западе, спроектировали распределение голосов в рамках каждой из этих моделей, но рассудили, что для нас более эффективно будет не воспроизводить эти модели в наших условиях. Мы разделили всех избирателей на четыре группы: это активные избиратели, сторонники кандидатов - те, кто пойдут голосовать по всем четырем моделям; активисты - те, кто пойдут голосовать не менее, чем по трем моделям; просто интересующиеся – это те, кто пойдет голосовать хотя бы по двум моделям расчета; масса – это те, кто пойдет голосовать хотя бы по одной модели. В чем здесь была сложность. В том, что у нас действительно очень много респондентов, которые говорят, что они пойдут голосовать. Когда мы задавали вопрос: «Оцените, пожалуйста, по десятибалльной шкале вероятность вашего участия в выборах?», нам 70% россиян в рамках телефонного опроса говорили 10 из 10, что мы пойдём участвовать в выборах. Попробуйте на основании такого ответа дать какой-то коэффициент на явку. Понятно, что мы можем это сделать, но любой коэффициент будет экспертным. Поэтому наличие набора моделей позволяет нам получить некоторый коридор, в котором дальше мы можем работать. Мы выделили эти четыре группы и на основе этих четырех групп мы получили некоторые расклады по явке. Пятая группа это расчет по нашей вероятностной модели, он в центре, он обведен в квадратик, он очень удачно вложился в расчеты, и они представлены на графике. Здесь мы показываем сценарий того, как у нас выглядели возможные уровни явки. Например, если бы пошли голосовать только те избиратели, которые у нас активны по всем четырем моделям, то коридор явки мы оценивали от 34 до 43 процентов. А если бы пошли голосовать те, кто имел к этому хотя бы какую-то слабую предрасположенность, то есть понимал, наверное, что надо сходить на выборы, потому что гражданский долг, то уровень явки у нас колебался в диапазоне от 70 до 82. И, в общем-то, видим, что официальный уровень явки, попал в наш наиболее вероятный прогнозный коридор. Дальше в рамках этого прогнозного коридора мы для каждого уровня явки оценивали прогнозные результаты каждого кандидата. Здесь приведены только результаты победителя. Мы видим, что мы прогнозировали их тоже в широком коридоре и цифры посерединке дали агрегатный прогноз. При наиболее вероятном раскладе, который мы прогнозировали, который по факту сбился, его фактический результат оказался на верхней границе прогнозного диапазона. Что здесь интересно, здесь интересна сама ширина диапазона. Ширина диапазона говорит о чем, в зависимости от тех факторов, которые мы считали предикторами явки, могли прийти на выборы разные группы избирателей, кто кого сможет мобилизовать. В данном случае наша оценка показывала насколько большой может быть вариация.

Следующий метод, который мы использовали для наших прогнозов, это новелла,

на которую нас натолкнула статья в журнале Nature, которая вышла в номере от 27 февраля текущего года, которая предполагала, что прогнозы населения могут быть ничуть не менее точными, чем прогнозы поллстеров, и там приводились прогнозы президентских выборов во Франции и в Соединенных Штатах. Как работают прогнозы социального окружения? Респондентам в ходе опросов задаются два вопроса: «Пожалуйста, оцените, какая доля ваших знакомых, всех, кого вы знаете, родственники, друзья, люди, с которыми вы общались более-менее регулярно в течение последнего месяца пойдет на выборы, скорее всего?» и второй вопрос, который им задается: «Какая доля из этих людей проголосует за этого кандидата» и этот вопрос повторяется по каждому кандидату. Мы реализовали этот эксперимент, и мы видим, что вот тот график, который мы получаем, оказывается довольно близки к тем фактическим результатам, которые мы получили по итогам выборов. Например, уровень явки по прогнозам социального окружения оценивался 72% - это чуть-чуть выше, чем факт, но не намного. Поддержка первого лица оценивалась тоже в 72% с небольшим – это немножко ниже, чем факт. Оценка результата, например, Павла Грудина оказалась в пределах отклонения до двух десятых. То есть мы можем говорить о том, что прогнозы социального окружения, если не попадают точно в яблочко, то по меньшей мере попадают в некоторый разумный рациональный диапазон. Одним из интересных наблюдений состояло в том, что мы могли наблюдать различия восприятия настроений в различных социальных кругах, то есть мужчины, например, чаще говорят о том, что их знакомые проголосуют за оппозиционных кандидатов, причем, за всех. Здесь мы можем каким-то образом оценивать то, каким образом респонденты воспринимают социальную среду, которая вокруг них сложилась, насколько эта социальная среда активна, насколько эта социальная среда лояльна или напротив оппозиционна.

Следующий метод, который мы применили в этот раз, который тоже стал новеллой для нас, это попытка спрогнозировать результаты выборов чисто статистически. Откуда у нас появилась такая возможность, раньше у нас ее просто не было, а с прошлого года ВЦИОМ запустил ежедневный Всероссийский опрос Спутник, когда мы каждый день проводим опрос по репрезентативной всероссийской выборке. В прошлом году у нас было 600 респондентов в день, в этом году у нас есть тысяча респондентов в день. При таком количестве данных мы можем достаточно комфортно прогнозировать тренд. И прогноз по тренду нам тоже давал достаточно неплохие результаты. Например, прогноз по тренду явки у нас составлял 75%, прогноз первого лица 77,4%. Что здесь интересно. Здесь видно, что на прогнозе тренда довольно высокий уровень шума, то есть тренд прыгает вверх и вниз. И второй момент, прогнозирование тренда не снимает тот вопрос, который мы всегда задаем к опросным данным, насколько эти данные могут являться социально-одобряемыми ответами, нужно ли нам их как-то экспертно корректировать на фактор электоральной истории или на фактор скучных выборов, потому что явка влияет на итоговый электоральный расклад.

В результате мы получали вот такую большую линейку прогнозов, не одну большую циферку - агрегатный прогноз в зеленом столбике, а целый ряд, на котором мы могли наблюдать вариацию. Что получается, вариация по кандидатам оказалась

между прогнозами, оказалась довольно существенной. Например, вариация, прогнозов первого лица, которая приведена на диаграмме, мы видим, составляет, примерно, от 65 до 78 пунктов. Зеленым коридором обозначены средневзвешенные значения, а усики - это максимальные и минимальные отклонения. Вариация по Павлу Груднину и по Владимиру Жириновскому тоже довольно высокая. Вариация по малым кандидатам практически отсутствует. Вариация по явке от минимума до максимума весьма впечатляющая.

Кроме того, мы смогли составить рейтинги методов по точности, они у нас ложатся в три достаточно плотно сгруппированные между собой кучки. По горизонтальной оси мы видим отклонение явки, по вертикальной - среднее отклонение от прогнозных значений. Наиболее точными по явке - это зеленый кружочек, у нас оказалась группа методов, которые явку предсказали с отклонением в пределах полутора пунктов: это прогнозный рынок, это электоральный расчет, который мы получили по результатам телефонного опроса и это агрегированный прогноз, который мы получили на основе учета комплекса прогнозных оценок. Эта же группа методов дает нам достаточно умеренное отклонение результатов кандидатов. Мы видим, что здесь отклонения составляют, примерно, около двух пунктов. По прогнозному рынку оно в среднем чуть-чуть повыше – 2,5 пункта, по расчету по телефонному опросу оно является наиболее точным, близким к нему является агрегированный прогноз.

Вторая группа методов - это прогноз социального окружения, чистый рейтинг по телефонному опросу и статистический прогноз по телефонному опросу. Эти методы дают нам достаточно точные оценки результатов кандидатов, но они нам слегка переоценивают явку. Третья группа методов – это то, что мы получали по квартирным опросам. Квартирные опросы нам очень сильно занижали явку и это стало сложностью. Мы никогда не хотели верить в большую явку, мы всегда относились к явке на всякий случай скептически и квартирные опросы попадали в ожидания. По квартирным опросам, скорее всего, за счет явки, за счет неверной оценки группы вероятных избирателей, показали нам довольно большое среднее отклонение результата выборов. Хотя, с другой стороны, если оценивать точность квартирных опросов по определению лидера, по порядку кандидатов, то здесь, в общем-то, они показали достаточно приличный, хороший результат.

Главный вывод, который мы для себя получили из опыта прогнозирования этих выборов состоит в том, что много прогнозов всегда лучше, чем один и понимание диапазона для нас гораздо более важно и дает нам гораздо больше уверенности в формировании агрегатного прогноза, чем, когда мы вынуждены ориентироваться на одну или другую модель. Второй момент состоит в том, что мы все-таки можем доверять опросам, как источнику прогнозных данных. Если мы говорим о сравнении методов опросов, то, наверное, наши предпочтения уходят в сторону телефонных опросов. Случайные выборки играют свою роль и контроль качества, видимо, тоже играет свою роль, телефонные вопросы оказываются весьма точными. Третий вывод, который касается методов прогноза, состоит в том, что экспертные прогнозы, экспертные оценки, в частности прогнозный рынок и прогноз социального окружения

позволяют нам очень сильно уточнить оценки явки и на этой основе сформировать более точные сценарии по определению вероятных избирателей.

И мой последний сюжет на сегодня - вечный вопрос про экзит-полл, насколько мы можем доверять респондентам, насколько они честно отвечают на наши вопросы. В этом году ВЦИОМ провел большой экзит-полл с огромной долей планшетов, у нас было 635 планшетов и у нас было 565 урн, то есть мы нашу выборку 1200 участков разделили, примерно, пополам. Мы видим, что нам удалось добиться достаточно большого сходства данных на планшетах и в урнах. Как мы этого добились. Мы перешли на анонимный опрос на планшетах, то есть, если мы когда-то спрашивали, за кого вы проголосовали и фиксировали результат, то сейчас мы моделируем бюллетень на планшете, мы предлагаем респонденту самому ткнуть в планшет, выбрать своего кандидата, нажать кнопку «завершить опрос» и таким образом мы получаем эти данные. Они у нас перестали расходиться с избирательными урнами, таким образом, мы видим перед собой хорошую перспективу цифровизации наших экзит-поллов в дальнейшем, то есть тему с урнами мы в каком-то светлом будущем сможем закрывать.

Реплика: В пользу планшетов?

Юлия Баскакова (ВЦИОМ): В пользу планшетов, да. На этом я, наверное, завершу. Спасибо, коллеги.

Ведущий: Спасибо. Теперь Олег Чернозуб с шестым ленинским методом.

Олег Чернозуб (ВЦИОМ): Да. Да, у нас действительно шестой ленинский метод. Начнем с динамита. Вот действительно правда жизни такова, что ни у нас в стране, нигде в мире никто не может отказаться от проведения предвыборных опросов не только в том смысле, что требуется спрогнозировать результаты конкретных выборов, но и в том смысле, что политические силы в межвыборный период нуждаются в непрерывной обратной связи, как у них складываются электоральные перспективы. Именно с этими данными о том, что у них происходит: рейтинг идет вниз или вверх, они связывают корректировку своих действий, занятие тех или иных политических позиций, поэтому для нас прогнозирование результатов выборов является в значительной степени не самоцелью, а попыткой получить внутри анкеты точно идентифицировать политическую позицию избирателя, спрогнозировать его возможное поведение на практике в ходе выборов, потому что если мы внутри анкеты сможем сказать, что вот этот будет голосовать так, а вот этот будет голосовать иначе, тогда мы в рамках любого исследования можем выявить взаимосвязи его позиций по всем другим вопросам и выдать содержательный, ценный в практическом смысле анализ и рекомендации нашим политическим силам, что у них происходит и почему. Если мы не можем идентифицировать конкретного респондента, как занимающего ту или иную позицию, как склоняющегося к тому или иному практическому выбору, значит, у нас нет такой возможности, мы не можем пояснить, рассказать нашим клиентам, нашим политическим силам, как влияют на их электоральные перспективы те или иные их конкретные действия, те или иные события.

Постановка проблемы, значит, в чем проблема последних лет. Буквально где-то за месяц до этих выборов мы побывали у наших коллег из ФСО, который, вы знаете, что тоже ведут достаточно изоощренные электоральные исследования, электоральные прогнозы. И вот помимо всего прочего мне в память запала такая мысль, что, знаете, действительно раньше как-то все нормально было, мы проводили исследования, в основном получались довольно неплохие прогнозы, а примерно, лет 14-15 это слова человека, который занимается этим всю свою сознательную жизнь, как отрезало. То есть просто результаты исследований перестали попадать в результаты выборов. И вот здесь примеры, значит, электоральных событий, в частности не только выборов должностных лиц, но и референдумов, где прогнозы, построенные на основании опросов избирателей, оказались не просто не точными, а можно было бы сказать, что, например, в Великобритании на последних парламентских выборах там какие-то организации, проводящие опросы, угадали результаты выборов, а какие-то не угадали. Так вот пример Трампа пример Брексита, пример последних парламентских выборов в Великобритании – это пример, когда не угадал вообще никто. И были запущены индустриальные расследования, фокусирующие свой... с постановкой вопроса: понять, что происходит, почему так получилось. То есть проблема есть, проблема с точностью прогнозов, построенных на опросах.

Появление различных альтернативных методов, в частности очень подробно мы сегодня посмотрели и это действительно мировая практика, это прогнозные рынки. Вот у нас мы не использовали опрос ожидания, как вы считаете, какой получится результат, в массовых опросах тоже использовались такие. Контент анализ социальных сетей мы тоже пробовали, получали неплохие результаты в отдельных случаях. Изоощреннейшие эконометрические модели пытаются использовать, цепи Марка гоняют, там просто ужас какой-то творится. Почему? Потому что и в отрасли, и со стороны заказчиков существует понимание того, что точность прогнозирования результатов выборов на основе опросов недостаточно высока, недостаточна с точки зрения тех требований, которые в их адрес сейчас предъявляются. Те индустриальные расследования в Великобритании, в США, о которых я говорю, они привели к тем результатам, что основной причиной неточности является, являются погрешности измерения. Как правило, эти неточности списаны на то, что не совсем точно была построена выборка, не учли тех, кто голосовал за рубежом и так далее. Значит, не отрицая ценности этого вывода мы со своей стороны, значит, считаем, что нельзя упускать из виду и вторую сторону медали, а именно проблему валидности данных, то, что Юлия уже говорила, то, что человек нам говорит, что он пойдет на выборы и что он там собирается голосовать, разумеется, это совершенно не значит, что он действительно пойдет и действительно будет так голосовать.

Проблема современных измерений в этой области заключается в том, что вначале сложилась практика измерений и только потом под нее спустя, примерно, 50 лет была подверстана теоретическая база. И основой сейчас предвыборных опросов является так называемая теория рационального поведения Айзенка. Особенность заключается в том, что человек действует на основании намерений. Намерения у него формируются

под воздействием различных факторов. Если мы поймем, точно поймем намерения, мы, соответственно, можем достаточно точно прогнозировать и его поведение. Данная, при ближайшем рассмотрении данная теоретическая модель, как выясняется, является частным случаем модели экономического поведения, то есть поведения, нацеленного на максимизацию полезности. Значит, она заведомо абстрагируется от эмоциональной составляющей факторов поведения, то есть это прямо написано, что да, мы на это не обращаем внимание, потому что считаем, в пределе выбор, электоральный выбор рациональным – это первая проблема.

Вторая проблема заключается в том, что когда мы спрашиваем человека, как вы считаете, за кого будете голосовать? Мы предлагаем ему в своей голове прокрутить в такой как бы игровой ситуации смоделировать свой выбор, как он на самом деле будет размышлять о том, за кого лучше проголосовать, за кого хуже проголосовать, какие он будет принимать во внимание факторы. Это вторая проблема: игровая ситуация, то есть респондент, отвечая на наш вопрос, совершенно безответственен, значит, он никак не отвечает за свой выбор, он делает его в совершенно других условиях, как если бы мы сравнивали это с условием на избирательном участке. Здесь отдельное исследование очень крупное, очень интересное, которое показывает, например, в частности, что на избирательных участках повышается уровень кортизола в крови, значит, там в массе народ попадает в стресс. В общем, очень много интересного.

И наконец последнее по перечислению, но не последнее по значению, это всем известный метод самоотчета. То есть мы предлагаем человеку самому собраться с мыслями и сказать нам, собирается он идти на выборы или нет и за кого собирается голосовать. Здесь две группы возникает проблем. Первая проблема, собственно, так сказать, так называемая – недостаток интроспекций, то есть не все люди в состоянии разобраться в своих чувствах и мыслях и поэтому не всегда их ответ соответствует тому, что они действительно думают, и что действительно чувствуют. И вторая проблема, это, соответственно, нежелание называть сознательный выбор, нежелание называть свои предпочтения, которые тоже выступают как важный фактор теоретический, на данном этапе мы рассуждаем теоретически, теоретически вносящий свою лепту в неточность результатов.

Шикарная совершенно статья, молодые американские авторы провели, на мой взгляд, просто блестящий эксперимент, они собрали более 70 тысяч записей опросов на различных выборах, идентифицировали отвечавших по имени, телефону, дате рождения, месту проживания со списками пришедших на избирательные участки на разных выборах. Дело в том, что в некоторых штатах Соединенных Штатов информация о том, приходил человек, получал человек бюллетень или не получал, открытая, соответственно, получилось 11 тысяч человек и они сравнили результаты их ответов с фактическим поведением. И результат, собственно, название слайда - это название статьи, то есть, значит, зачем досаждать вопросами, если эти вопросы заведомо неточные. В данном случае, если посмотреть на эту таблицу, видно, что из тех, кто точно сказал, что не пойдет на выборы, на самом деле, почти половина пришла, и наоборот, из тех, кто сказал, что точно пойдут на выборы, значит, примерно,

15% не пришло. Более того, в рамках этого же исследования они проверили точность ответов на вопрос: А на прошлых выборах в были или нет? То здесь ошибка исключена, человек же помнит, был он на прошлых выборах или нет. Оказалось, что тоже врут, тоже врут, не задумываясь ни о чем.

Таким образом, существуют определенные проблемы с точки зрения, о чем на самом деле говорят нам ответы, получаемые в ходе опроса. И в идеале, наверное, мы могли бы эти проблемы преодолеть, если бы начали учитывать комплексно факторы поведения, в частности добавили бы к рациональным факторам, эмоциональные. Нужно уйти от игровой ситуации, желательно, уйти от игровой ситуации, когда мы говорим: не надо играть, если бы выборы были завтра, как бы ты стал себя вести. И здесь человек совершенно не очевидно, что ситуация ответа на наш вопрос соответствует в действительности ситуации поведения человека на избирательном участке. И, конечно, насколько это возможно уйти от метода самоотчета.

В конечном итоге, это приводит нас к мысли о том, что было бы идеальным, если бы мы не фиксировали осознанные и публично декларируемые интерьеры намерений избирателя, а сами бы, если бы это было возможно, сами постарались их реконструировать на основании тех данных, где респонденту сложно нас обмануть или сложно самому запутаться в выработке окончательного решения - вот эта задача максимум, она у нас не совсем получилась, но, тем не менее, давайте я вам расскажу, что у нас вышло. Значит, начнем с очевидного. Очевидно, модель обдуманного поведения нужно выбирать рациональной составляющей. Совершенно очевидная вещь, что если человек понимает, что если бы ему нужно было в эту субботу ехать, менять колеса на машине, но альтернатива посидеть с пивом с друзьями, то его рациональная установка вступает в противоречие с эмоциональной и какая из них преодолеет, трудно сказать.

Другое дело, если, например, юная девушка понимает, что, в принципе, и молодой человек хороший и внутренне летит к нему на встречу, на свидание, то вероятность того, что на свидании этом она окажется, намного более высока, чем персонаж предыдущего примера окажется, значит, на станции техобслуживания. Значит, как выявлять эмоциональную компоненту – не простой вопрос. Мы разработали и достаточно изошрённо валидизировали тест, назовем графический ассоциативный тест отношения, респонденты выбирают закорючки, ассоциируют их с разными понятиями. В итоге дается достаточно достоверно, как мы теперь убеждены, достаточно достоверно установить их эмоциональное отношение к объекту.

Вот здесь пример оценки кандидатов в губернаторы, значит, это одни из выборов сентября этого года, где красные линии – это оценки на открытые вопросы: насколько хорошо вы относитесь к губернатору: хорошо, плохо. Даже частично экспериментально это термометр отношений, там показывается такой термометр и назовите, пожалуйста, если у вас теплые отношения: красная область, если прохладные отношения – синяя область, такой полуэкспериментальный, но, тем не менее, через голову ответ проходит. А синяя линия это абсолютно не проходящая через сознание, значит, как сказать,

информация о фактическом отношении, значит, достаточно изошренное, которое мы меряем с помощью этих фигурок. И видно, видно две вещи, что пропущенная через сознание информация, она делает всплеск в середине распределения, то есть значительная часть респондентов уходит от ответа, маскируя его средним ответом и у всех наших Врио губернаторов взлетает положительная часть, то есть выдается значительное количество социально-одобряемых ответов в то время, как независимое тестирование социативное показывает, что никакого теплого отношения там нет. Что касается оппозиционных кандидатов, там наоборот, там публично все говорят, что я средне отношусь, а на самом деле есть заметный всплеск, показывающий, что определенное количество до 30% избирателей относятся к ним на самом деле эмоционально положительно. Это, в общем, в двух словах.

Итак, что у нас получилось. Значит, таблица разделена на две группы колонок. Значит, там дальше будет подробнее, здесь просто логика. Первая колонка – это обычный вопрос: за кого будете голосовать, если выборы будут в ближайшее воскресенье. И вот нам народ отвечает, значит, что он там на эту тему думает. Соответственно, вторая колонка это те же самые данные дополнительно отфильтрованные еще вопросом: А вы точно уверены в своем выборе? То есть здесь остались только те, кто точно уверен. На выборы в Государственную Думу 2016-ого года вот введение этого дополнительного вопроса позволило улучшить результаты общие. Соответственно, дальше, собственно, базовая модель (по англ), то есть это респонденты отфильтрованы по двум основаниям, то есть они заявляют, что идут на выборы и второе, они заявляют, что будут голосовать за того кандидата, который указан. И четвертая колонка, значит, (англ) только те, кто подтверждает, что да, я твердо решил, ничего не может сбить меня с истинного пути.

Вторая группа колонок – это все то же самое, но к ним добавлен фильтр эмоционального отношения, то есть тут остались только те, кто не продемонстрировал негативного отношения к декларируемому кандидату, за кого он будет голосовать. Дальше вся эта информация была обработана следующим образом, значит, было рассчитано отклонение, то есть фактический результат минус прогноз по каждой из этих моделей, дальше были рассчитаны индексы отклонений, то есть отношение фактического результата к отклонению, посчитанному на предыдущем этапе. На третьем этапе, соответственно, были рассчитаны средние модули индексов в отклонении для трех лидеров. Почему для трех лидеров, потому что по остальным у нас выборка все-таки была 1600, по остальным наполнения очень маленькие получились. Что у нас выходит. Здесь, значит, суммированные, значит, данные по 2016-ому году первая часть таблички и по 2018-ому году.

Начнем со знакомого нам 2018-ого. Значит, если мы судим по моделям только с когнитивной компонентой, у нас средний модуль отклонения, то есть это отклонение, если для каждого кандидата то, что он получил, взять за 100%, у нас, соответственно, просто декларация, что буду голосовать за такого-то, просто отклоняется +- 23%, а традиционная, скажем так, конвенциональная модель 9,6, значит, подтвержденная декларация 25% туда-сюда и совершенно фантастический результат в этот раз мы

получили, что конвенционная модель вот эта (англ) с фильтром подтверждения, она показал совершенно непонятный результат. Но в данном случае и в первой части таблицы, где по 2016-й год и во второй части таблицы, где про 2016-й, про 2018-й год важно не это, важно, что дополнения, добавления, внесения в эмоциональные компоненты улучшает прогноз в рамках любого из рассмотренных вариантов за исключением одного. Мы видим, где (англ) подтвержденный, фактически одинаковые получаются в 2018-ом году – 25, 26, во всех остальных случаях дополнительная эмоциональная компонента позволяет снизить отклонение прогнозного значения по сравнению с тем, как если бы мы использовали только рациональную компоненту.

И последнее, собственно, наша амбициозная идея заключалась в том, что нельзя предсказать результаты выборов и понять, кто будет голосовать, не спрашивая напрямую, за кого будете голосовать. Значит, соответственно, под этим делом есть могучая теория, которую сейчас просто не место и не время рассказывать. Значит, в основу была положена так называемая концепция согласованной установки, суть которой заключается в том, что здесь, значит, отфильтрованы респонденты, которые отвечали на абстрактные, казалось бы, вопросы еще до разговоров обо всех выборах, просто они смотрели список кандидатов и до того, как мы их спрашивали потом уже в конце анкеты, за кого вы будете голосовать, мы спросили: Как вы считаете, среди этих кандидатов есть ли те кандидаты, которые выражают интересы таких людей, как вы? Это, как мы считали, была таким образом операционализирована регистрация когнитивного положительного отношения к кандидату и, соответственно, вторые наши фигурки, при помощи специального теста регистрировали положительное эмоциональное отношение кандидатов. Соответственно, в первой колонке то, что называется D2, значит, соответственно, двухмерная модель. В рамках этой двухмерной модели отфильтрованы респонденты, где 100% это все участники опроса, кто имеет согласованную установку по отношению к каждому конкретному кандидату. Соответственно, если мы переведем эти данные в абсолютные числа, получится вторая колонка D2 миллион человек, значит, на нижней строчке получится явка и, соответственно, если мы будем сравнивать первое со вторым, то мы сделаем вывод, что совпадение не полное, однако весьма, весьма высокое.

Если квантифицировать соответственно эти различия по сравнению со всеми другими моделями, здесь очень коротко, собственно, традиционная модель ВР, конвенциональная модель LV наша D2 фактическое значение и мы здесь видим, что выделено оранжевым, где максимальная точность у какой из моделей. И в таблице ниже средний индекс отклонений у D2 получился повыше 18% против 9,6% у конвенциональной модели, связано это с тем, что наша D2 не угадала, сильно не угадала Жириновского. Если рассмотреть средний модуль отклонений по всем, то есть это накопленное отклонение, разделенное на количество участников выборов, то для конвенциональной модели получится 0,5, для экспериментальной модели, еще раз подчеркиваю, которая вообще не спрашивала, за кого будете голосовать, получается накопленное отклонение, деленное на количество участников – 0,7%, в принципе, сопоставимые величины. И последние два заключения, почему это важно. Потому что

выделенные конвенциональной моделью респонденты, как потенциальные сторонники кандидата и группа респондентов, выделенная, как потенциальные сторонники кандидата при помощи альтернативной модели, они не совпадают. Если мы рассмотрим, здесь 100% по строке, значит, соответственно, три кандидата приведены, которые выделены на основании общепотребительных вопросов: пойдете ли голосовать, за кого будете голосовать? И вот если группу для каждого кандидата разбить на того, кто будет за него голосовать и по альтернативной модели, кто будет голосовать за двух других кандидатов, и вот фильтр АФ это, соответственно, процент кандидатов отфильтрованный на основании использования нашего психологического, психиатрического теста. Что мы видим.

Мы видим, что да, в ядре своем они совпадают обе эти группы, то есть для Грудина 59% ядро, для Жириновского 48%, для Путина очень высокая 65%, но все остальные в тех случаях, когда они в итоговой группе получается, примерно, одинаковая, другие совершенно люди и здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если мы считаем в рамках своего политического консультирования, что мы выделили группу сторонников на основании вопросов, за кого будете голосовать, у нас получаются результаты в первой колонке. Это на примере Жириновского. Что мы видим. Что, значит, если бы мы консультировали Жириновского, выделили в группу его сторонников на основании конвенциональной модели, мы бы ему сказали, что, дорогой друг, у тебя повышенное содержание пенсионеров, они не пользуются Интернетом, значит, они за сильное государство и контроль миграции и за радикальные реформы в стране практически по всем пунктам, но в самом конце у нас это, собственно, уже психологическая интерпретация, они, дорогой друг, воспринимают тебя как пожилой, старый, проверенный, значит, старый конь борозды не испортит и совершенно далекий от того, чтобы быть динамичным, активным, энергичным. Если мы выделили группу сторонников Жириновского по альтернативной методике, то наши выводы получаются другими. Мы ему скажем: «Дорогой друг, у тебя повышенное содержание студентов в активных сторонниках, они не считают, что нуждаются в господдержке. У них главный фокус – это укрепление обороноспособности, безопасности. Важнее безопасность, они совсем не так оголтело выступают за активные реформы и тебя воспринимают, как ни странно, в качестве энергичного и динамичного, активного политического деятеля». Основные выводы, значит, не все получилось так, как мы хотели – это правда. Тем не менее, совершенно можно считать, мне кажется, достаточно убедительным доказанным, что учет эффективной компоненты как таковой позволяет улучшить прогноз, берем ли мы за него традиционные методы или пытаемся сконструировать свой собственный. Та модель двухмерной, согласованной компоненты, которую мы протестировали, она по своей точности не превосходит традиционную, я надеялся, что превзойдет, не превосходит традиционную, но сопоставима с ней. Самое же главное и важное, что формирует пространство для дальнейших исследований и, как я надеюсь, практического применения наших выводов, это то, что несмотря на то, что во многих случаях объем групп поддержки одинаковый, персональный состав не вполне совпадает, это значит, что традиционные методы считают, что одни поддерживают

кандидата, а альтернативные методы, что другие, не для каждого кандидата это верно. У Путина они очень сильно совпадают, вот, например, у Жириновского и Грудина персональный состав этих групп заметно разошелся, что, на наш взгляд, позволяет ставить и успешно решать вопросы по углублению нашего консультирования наших политических сил на практике на весь следующий период, в межвыборный период. Спасибо большое.

Ведущий: Спасибо, Олег. Теперь слово коллегам из ФОМа.

Алексей Чуриков (ФОМ): Коллеги, мы не ставили себе целью рассказать про методы прогнозирования, потому что, во-первых, пришлось бы во многом повторяться, повторять то, что было сказано сегодня нашими коллегами. У нас много тоже очень похожего, у нас есть две модели, которые мы усредняем, мы не разделяем разные модели по разным факторам, мы пытаемся включить разные факторы в наши модели, в том числе и голосование окружения, и ретроспективу голосования на прошлых выборах, и, значит, какое-то эмоциональное состояние респондента: спокойное или тревожное и оценку разных кандидатов по самым разным факторам: честный, порядочный, энергичный и так далее и смотрим, какие из этих факторов на протяжении тех лет, которые мы занимались прогнозированием, смотрели, какие эти факторы сильнее влияют, какие совсем не влияют, какие-то слабее и, в общем, отбирали те факторы, которые оказались наиболее эффективными и действенными.

В принципе, наши модели описаны в литературе, поэтому не собирался на этом останавливаться. И у ФОМ на сайте есть модель прогнозов, которая собственно реализует во многом упрощенно немножко видение нашего прогнозирования, она описана, там есть данные, которые, значит, данные реальных опросов и любой человек может, пользуясь этой моделью, задавать свои параметры и получать свои прогнозы. То, о чем я хочу сегодня сказать, немножко более содержательные, наверное, вещи. Первое, что, повторю идею, которую высказывал уже Александр Ослон руководитель ФОМа, что вообще по результатам выборов и соотношению результатов, прогнозов, экзит-поллов и официальных результатов выборов влияют три группы, три большие группы факторов.

Первый фактор, собственно, сама работа поллстеров, куда входят методики прогнозирования, методики опроса: face to face или телефонный опрос, методики расчета и так далее. Вторая группа факторов – это работа избиркома, причем, на самых разных уровнях, начиная с уровня избирательных участков, кончая уровнем ЦИК. Сюда входит, значит, насколько допускается объем досрочного голосования, голосование вне участков, как тщательно пресекаются нарушения во время голосований, вбросы со стороны участников выборов избирательных бюллетеней в урны и, наконец, как собственно, каким способом в итоге подсчитываются голоса, начиная с избирательных участков и как это агрегирует с информацией по федеральному уровню. И третья большая группа факторов состоит в том, насколько то, что находится в головах у избирателей, насколько это влияет на их электоральное поведение, то есть, грубо говоря, то, о чем уже неоднократно было сказано, насколько ответы избирателей о

своих электоральных намерениях соответствуют их реальному электоральному поведению.

И вот по двум последним группам факторов, которые не зависят на самом деле от исследователей происходит довольно большая динамика на протяжении, по крайней мере, тех лет, что мы занимаемся прогнозами. И если брать сегодняшнюю ситуацию, ситуацию этого года, то она для поллстеров, на наш взгляд, была очень благоприятной, то есть и четкая работа ЦИК, минимизация всяких досрочных голосований, голосований вне избирательных участков, ошибки в подсчете голосов и довольно однородная картина в головах избирателей, которые, в общем-то, сильной дифференциации, такой, какая обычно бывала по регионам, по разному типу людей, на этих выборах не наблюдалось. И вот это соотношение между, на самом деле динамику этих двух факторов достаточно хорошо нужно проследить по истории экзит-полл, на уровне федеральных экзит-поллов, которые проводил с 2000-ого по 2017-й год.

Последний экзит-полл видно, что на удивление близки результаты получились. Максимальное отклонение 0,4% пункта и, в общем, такие результаты, конечно, очень большая редкость. Если посмотреть историю экзит-поллов, начиная с 2000-ого года, вот здесь приведены данные только по лидерам выборов, то видно, что в 2000-2003-ем году отклонения были тоже относительно небольшие по основным кандидатам, потом они начинали расти. Самые большие отклонения были в 2011-ом году на думских выборах, как вы помните, после этого москвичи вышли на Болотную площадь, потому что были недовольны то, как проводились выборы. Потом отклонения немножко стали уменьшаться, но в 2016-ом году они снова были большие, но там была совершенно нестандартная ситуация, как мне кажется, и в головах людей тоже, потому что декларируемые электоральные намерения кардинально отличались от реального электорального поведения и явка была, значит, беспрецедентно низкая по сравнению со всеми предыдущими федеральными выборами. При этом хочется обратить внимание, что доля отказов на экзит-поллах, она с 2000-ого года постоянно увеличивалась. На этих выборах она достигла максимальных за всю историю нашего экзит-полла цифр, такую же долю отказов, по-моему, на экзит-поллах ВЦИОМа, но как ни странно...

Реплика: 38,5.

Алексей Чуриков (ФОМ): Но как ни странно, вот эта большая доля отказников существенно не влияет, как мы видим неплохую корреляцию с точностью результатов экзит-поллов, это как бы удача социологов в том, что отказавшиеся, в принципе, очень похожи на тех, кто отвечает на вопросы голосования. Я дальше просто без комментариев приведу более подробно несколько слайдов, точное соотношение экзит-поллов в разные годы. Хочу, может быть, прокомментировать немножко разницу между экзит-поллами ФОМ и экзит-поллами ВЦИОМ.

Хочется сказать, что та методика, которую проводит ВЦИОМ на экзит-полле это правильная методика с точки зрения теории, она позволяет правильно подсчитывать голоса и позволяет так же учитывать и подсчитывать, оценивать явку, но с точки зрения

практической реализации она довольно сложная, как для работы интервьюеров, которые работают на избирательных участках, так и для контроля их работы, и поэтому, мне кажется, основная проблема в том, что интервьюерам нужно отсчитывать очень точно всех, кто выходит с избирательного участка, в соответствии с этим проводить опросы, набирать респондентов и любые неточности, сбои в этом опросе, они начинают влиять на точность. А на многих участках, как вы знаете, есть несколько выходов с участков и если он стоит у одного выхода, то ему очень сложно отсчитывать всех, поэтому вот эта зависимость, очень большая зависимость от человеческого фактора методики ВЦИОМ, хотя с точки зрения практической, теоретически это правильная методика.

Возможно, вот это и объясняет все относительно небольшие различия между результатами экзит-поллов ФОМ и экзит-поллов ВЦИОМ, которые, в общем, если смотреть на ФОМ-овские экзит-поллы прошлых лет, отклонения на самом деле далеко не такие существенные, у ВЦИОМа можно считать очень хороший экзит-полл. Вот теперь еще скажу, раз уж мы заговорили о технологии экзит-полла, скажу еще несколько слов о том, как мы проверяли качество нашей экзит-полловской выборки. У нас в выборке участвовало 1127 избирательных участков по всей России и после того, как результаты выборов были подведены, вот это последнее на слайде по 2016-ому году. И после того, как результаты выборов были подведены, мы сделали следующую работу, мы выгрузили из официальных данных ЦИК результаты голосования на тех 1127 избирательных участках, на которых мы проводили опрос. И вот, значит, первый столбец – это результаты опроса на этих участках. Второй столбец – это результаты ЦИК на этих участках. И третий столбец – это, собственно, результаты выборов, результаты ЦИК на всех избирательных участках.

Реплика: То есть интервьюеры работали фантастически точно?

Алексей Чуриков (ФОМ): Видно, да, что выборка оказалась в этот раз очень точной, чего надо сказать, что на прошлых выборах у нас, например, на думских выборах не получилось, потому что у нас там были перекосы в сторону недостаточной представленности республик в нашей выборки, где особенно тогда была очень высокая неявка. Теперь заканчивая с экзит-поллами, переходим к прогнозам. При прогнозировании результатов выборки все три фактора, которые я называл, они оказывают еще более серьезное влияние на точность тех прогнозов, которые поллстеры социологи могут сделать. И наиболее сильное влияние, естественно, оказывает то, насколько точно от ответов респондентов присутствует их реальное электоральное поведение. Там дополняется, как уже Юлия говорила, фактор неопределённости, например, за три дня, по-моему, до выборов у нас по нашим опросам 19% респондентов еще не определились, за кого будут голосовать при том, что больше порядка 2/3 из них, тем не менее, намерены прийти на выборы и социально одобряемые ответы тут сидят, поэтому когда мы подходили к проблеме прогнозирования этих выборов, у нас первый и основной, наверное, главный вопрос или как можно сказать, развилка, как подходить к прогнозированию была в том, что нам использовать схему поведения, которая работала на президентских выборах 2012-ого

года, где была достаточно высокая явка 65%, вы помните, где не было еще ни Крыма, ни санкций, была совершенно другая обстановка внутри страны и внешняя и или нам использовать схему поведения респондентов на думских выборах 2016-ого года, где все последние факторы: и Крым, и санкции уже во всю работали, но где была феноменально низкая явка и совершенно необычное поведение, непривычное соотношение между декларируемым электоральным поведением и реальным поведением респондентов. Вот в этой развилке мы все-таки приняли для себя решение ориентироваться на схему поведения 2012-ого года.

Результаты голосования, в общем, говорят о том, что, видимо, эта схема была и достаточно близко реализовалась на этих выборах. Второй очень важный вопрос, который нам приходилось решать, когда мы прогнозировали результаты выборов, это отношение к электорату Грудина, это тот же электорат, который традиционно был у коммунистов и у Зюганова или это все-таки совершенно другие люди, которые ведут себя совершенно по-разному.

Если посмотреть в электорате Грудина, то доля электората КПРФ там где-то порядка 2/3 всего будет, а если посмотреть в электорате КПРФ по ответам, за какую партию вы бы проголосовали, то всего половина из этого электората это электорат Грудина, остальные люди дают другие ответы. И здесь все-таки... Да, это очень важный вопрос, потому что, когда мы прогнозируем результаты выборов, у нас на самом деле на основании нашего опыта проведения опросов прогнозируемых результатов есть некоторые поправочные коэффициенты ответов респондентов к их электоральным намерениям, значит, для кандидатов от власти и партии власти одни поправочные коэффициенты, для ЛДПР и Жириновского другие, для КПРФ и Грудина третьи.

Особенно это значение имеет на телефонных опросах, которые мы уже видели с face to face, face to face у нас большее значение этих прогнозов имел, там тоже для коммунистов свои особые поправочные коэффициенты, потому что та же картина, как и для ВЦИОМ, что ответы по телефонам, особенно по коммунистам или face to face различаются. Здесь было принято решение о том, что все-таки электорат Грудина похож на электорат, старый электорат коммунистов и Жириновского и здесь тоже мы по этой схеме прогнозировали. И последний вопрос, который можно было решить накануне выборов – это как учитывать динамику последних наших расчетов. Если посмотреть два наших последних прогноза, последний публичный итоговый, там была определенная динамика: Грудин рост, Жириновский проседал и эту динамику мы чуть-чуть продлили на наш прогноз выборов. Как видно, что за Грудина мы чуть-чуть переоценили рост его электората, за Жириновского, наоборот, недооценили падение, потому что у нас был спор, сколько ставить прогноз - 7 или меньше 7. И важный вопрос был по поводу Явлинского, у которого наш расчетный прогноз сильно вырос за последнюю неделю и мы думали, до этого Собчак всегда опережала по нашим прогнозам Явлинского, потом они почти сравнялись и буквально на последних трех днях прогноз по Явлинскому вырос и мы это тоже отразили в наших прогнозах, как видно, что мы ошиблись, мы поставили Явлинского впереди Собчак в нашем прогнозе,

сделали это напрасно. Вот собственно результаты, которые вы видите наших прогнозов итоговых. Наверное, все, что я хотел сказать по этому поводу.

Ведущий: Спасибо. Коллеги из ФОМ еще что-то добавят?

Григорий Кертман (ФОМ): Буквально несколько слов по поводу технологии прогнозирования этих выборов. Наверняка, будет много разговор, они уже начались во время кампании, особой роли дебатов, которые дискредитировали всех кандидатов, помимо победителя, и сыграли свою роль. Как выглядит картина на самом деле, да, действительно, применительно к каждому из участников дебатов доля ответивших в ходе опросов, что их отношение к соответствующему кандидату ухудшилось выше, чем доля сказавших, что оно улучшилось применительно ко всем семерым участникам дебатов. Когда мы спрашиваем ваше отношение к Путину в результате дебатов: улучшилось или ухудшилось, то да, действительно, 6% всех опрошенных говорят, что улучшилось и только 2%, что оно ухудшилось. Вроде бы, не очень сильно, но движение...

Является ли это таким невероятным ноу-хау и так далее. Интересно посмотреть на предыдущие выборы 2012-ого, предыдущие президентские выборы 2012-ого года, где формат дебатов был другой и состав участников другой и все было другое, ровно та же самая картина применительно ко всем участникам дебатов, проходивших в другом формате, снизилась, применительно к Путину тогда 12% сказали, что в результате дебатов отношение к Путину улучшилось, 4%, что ухудшилось, соотношение то же самое три к одному, только больше, народу больше смотрели дебаты. То есть это тоже некоторая константа.

Что еще сказать. Явка на президентских выборах вообще забываем и редко заглядываем в данные, реальная явка на президентских выборах, начиная с 1996-ого года и до сегодняшнего дня варьируется в чрезвычайно узком диапазоне от 64% до 69 с небольшим процентов. Понятно, что во время этой кампании у всех было ощущение, что явка должна быть очень низкой, это было такое общее экспертное мнение. Какось, я на входе в кампанию считал, что она дай бог, будет на уровне 55, а, наверное, ниже. По мере того, как шла кампания, стало ясно, что это не так. Значит надо избавиться от представления о том, что безальтернативность, скучность президентской кампании является фактором, понижающим... В той мере, в которой выборы президентские являются плебисцитом о доверии к власти, интересность, альтернативность и так далее понижают вероятность в той мере, которой когда-то. Люди участвуют в ритуалах не потому, что они не знают, чем они закончатся.

Реплика: Наоборот.

Григорий Кертман (ФОМ): Совершенно верно, наоборот. И в этом смысле видно очередное, не первый раз, когда исходное экспертное ожидание относительно явки оказывается существенно заниженным, а в реальности... так оно и есть, так оно, видимо, и будет при данной... Если не произойдет какое-то очень глубокое кардинальное изменение в политической культуре. Но что видим, если говорить о

будущем, меняется, судя по этим, модель президентских выборов у нас в стране, я про это говорил в этом зале шесть лет назад, повторяюсь, плебисцитарная альтернатива, то есть не возникает вопрос...

Есть линейка восемь кандидатов, еще и кого из них я предпочитаю, возникает перед избирателями первый вопрос: Я за Путина или против? Если я против и, по крайней мере, не уверен, что за, тогда возникает следующий вопрос: Как я, собственно говоря, буду себя вести? То есть сначала плебисцит, а потом для тех, кто на плебисците сказал, что нет или, по крайней мере, усомнился, начинаются выборы. Значит, большинство останавливается на плебисцитарной фазе принятия электорального решения. Но все-таки в этой второй альтернативной части, по крайней мере, до сегодняшнего дня было две, мы пока сохраняем, две довольно устойчивые константы.

Есть электорат КПРФ в какой-то степени устойчивый и плюс, есть устойчивый имидж партии, в общем, те, кто говорят: нет на плебисцитарной стадии, значительная часть их довольно автоматически уходит в коммунисты. Есть вторая константа Жириновский, не надо говорить ЛДПР, надо говорить Жириновский, называя вещи своими именами. Значит, обе эти константы сейчас, в общем, не факт, что они сохранятся к следующему электоральному сроку. Кстати, Жириновского, кризис проекта, по-моему, очевиден и перспектив его реанимации, обратного, так сказать, восхождения я лично не вижу.

Напоминаю на всякий случай, что где-то с полгода назад наши исследования показывали довольно существенное изменение восприятия как политика, он стал казаться мудрым, многоопытным, много предвидевшим ранее и так далее. В общем, он стал обретать черты, так сказать, такой серьезной, не то, чтобы альтернативной, такого серьезного патриарха, политического патриарха. И, вроде бы, казалось, что это может дать ему возможность очень успешно выступить на выборах, тем более, в 2016-ом году, как вы помните, ЛДПР и КПРФ пришли с разницей в сотые доли процентов к финишу избирательной кампании и по широко распространенным слухам, собственно говоря, главная причина отказа Зюганова в участии в выборах отмечалось именно в том, что он опасался этой конкуренции за второе место, это общеизвестно и так далее. И полгода назад это казалось, что это. Но то, как была проведена кампания, как бы это эпический провал и вряд ли есть потенциал у этого проекта к возрождению. А раз так, какое-то количество недовольных должно будет выбрать с нуля на каком-то следующем цикле.

Какова глубина кризиса идентичности коммунистического проекта сейчас предсказать совершенно невозможно, это надо изучать, надо будет следить, то, что некоторый кризис, связанный с заменой Зюганова на Грудина имеет место быть это точно, насколько он будет глубок, проходящим или не проходящим, неизвестно, но, в общем, в этой второй части мы понятия не имеем, что будет на следующем избирательном цикле, но вот внутренних таких констант в альтернативной части, может быть, не останется и они будут гораздо слабее, что открывает перспективы для других

людей. А что касается еще одного напрашивающегося вывода, это то, что на плебисците главное повестка дня. А повестка дня, на этом предлагаю остановиться. Главная повестка дня плебисцита, когда плебисцит заканчивается, и начинаются выборы, и там эта повестка уже не играет решающую роль, у них разная повестка. Вот собственно, этим все сказано.

Ведущий: Спасибо. Это были наши установочные доклады от двух центров, которые, наверное, наибольший объем исследований в этом цикле сделали. Теперь переходим к основной дискуссии, ее будет модерировать Степан Васильевич Львов директор исследований ВЦИОМ. Соответственно, все желающие давайте записываться.

Степан Львов (ВЦИОМ): Регламент будет соблюдаться жестко. Давайте поступим традиционно, как и в прошлый раз, пускаем листочек, записываются. Мы ждем нашего докладчика, который заранее заявил о своем докладе выступить, это Борис Игоревич Макаренко. Он даст поправку, а все остальные спикеры будут... Давайте договоримся, что три, максимум четыре минуты на выступление и вопросы. Давайте так.

Борис Макаренко (Центр политических технологий): Коллеги, нет какого-то такого развернутого выступления, скорее, впечатления. Первое, поздравляю коллег из ФОМ и из ВЦИОМ с высокопрофессиональной и очень интересной работой, я видел, как далеко это все хорошо, молодцы, что попали. Я сижу тут скромненько, мы на коленке экзит-полл в Москве сделали, десятый экзит-полл в Москве проводили с 2005-ого года, опять попали. У экзит-поллов есть только один большой недостаток. Если я десять раз экзит-полл проводил, примерно, с одинаковой точностью в пределах пункта, я знаю, в каких случаях и почему мои результаты не сошлись, то, что вы называете скромно, данные ЦИК, такое бывало. Слава богу, сейчас эта проблема уже осталась в прошлом. Значит, разрозненное ощущение.

Первое, что, какая у нас с вами роскошь, которую мы не осознаем, говорилось о том, что промахиваться стали наши западные коллеги, проводился пример Брексит, Трамп и все прочее. На самом деле мнение об ошибочности этих прогнозов очень сильно преувеличена, если смотреть по агрегаторам по некоторым конкретным агентствам, они не промахнулись. По Трампу результаты они угадали в общенациональном масштабе идеально точно, а то, что они не угадали копеечные сдвиги в трех штатах, которые решили судьбу выборов при той системе, это да. Но слава богу, мы сейчас так попали, коллеги из ФОМ даже говорили, что это благословение, что так точно попали. Думаю, что они скромничают, здесь профессионализма больше. Но промахнулись бы мы, не дай бог, на два пункта, ну, и что был бы. Да ничего. А вот там, где промахивались, в Брексите, в Трампе, промахивались меньше, чем на процентный пункт из-за высокой конкурентности в политике, фифти – фифти, социологам досталось на орехи очень здорово. У нас с вами пока роскошь, что мы можем промахнуться на плюс, минус телеграфный столб, как говорят.

Не надо расслабляться, надо совершенствовать методики – это второе.

Третье замечание, что я здесь увидел, то, что и после прошлых выборов начиналось, все мы, закладывая в наши модели, стараемся как можно меньше заложить экспертную оценочную составляющую, все равно она есть, экспертная составляющая всегда идет от одного, от того, что мы с вами очень умные, образованные люди знаем о прошлых выборах, а это не всегда работает. Электорат Собчак угадать было невозможно, потому что электорат в этой части политического поля это партизаны какие-то.

Вот появился у них какой-то кандидат, они из леса вылезли, на избирательный участок зашли и проголосовали. Был Прохоров, был Навальный на разных выборах, на Собчак из леса вылезло меньше, чем на других кандидатов, почему можно говорить, но не для этой дискуссии. А по остальным мы, вроде бы, научились предсказывать, но мне интересно, что промахнулись больше по Жириновскому, потому что вот, к сожалению, ушел коллега из ФОМа, он ближе всего к истине подошел, плебисцитарный характер выборов и разные повестки дня означает, что работает в первую очередь ритуальный мотив выбора. В этом нет ничего оскорбительного, это Эдельман все объясняет. И эта мотивация настолько сильна, что остальные рациональные мотивы, по-моему, коллега сказал что-то похожее, уходит далеко на задний план.

Поэтому недооценили все силу этого мотива в голосовании за первое лицо и по зеркальной причине, обратите внимание, если мы на прошлом опыте основываемся, один был случай, когда Жириновский на президентских выборах, он шестой раз участвует, то есть панель самая у нас хорошая, один раз за шесть выборов Жириновский получил на своих выборах больше, чем ЛДПР на предыдущих. Первые выборы не сравним, там не было ЛДПР в 1991-ом году. Во всех случаях Жириновский отстает от партии. Почему? Потому что тоже сказано, Жириновский как трибун, как вития, как не скучный, интересный политик российский обществом признан уже давно и остается ценным в этом качестве. Жириновского видеть в Думе готовы подавляющее большинство. Представить себе Жириновского на троне в Кремле, извините, фантазии не хватает. Вот поэтому...

Реплика: Извините, уточняющий вопрос: в процентах или в абсолютном количестве голосов Жириновский уступает?

Борис Макаренко (Центр политических технологий): Я к чему... Нет, в процентах и часто это совпадает с количеством голосов. В 2008-ом году Жириновский единственный раз обогнал ЛДПР и по тому, и по другому показателю. Почему? Это единственные выборы, на которых не было царя среди списков кандидатов, не было Ельцина, не было Путина и вот тогда за Жириновского проголосовало немножко больше.

Если царь есть, то тогда Жириновский не кажется достойным президентского поста и он проваливается гораздо сильнее. Мы успели фокус-группы уже провести после выборов, остается мотив ритуальной поддержки твердого партийного электората, но Жириновский слабее, присоединяюсь, поддерживаю коллегу, значит, Зюганов сдулся до кампании и побоялся даже в нее идти и, в общем, если КПРФ это партия, то кризис и

бунт переосмысления руководства должно произойти.

Жириновский сдувается, он из последних сил держится, шестые выборы, уже, наверное, надоело, но если Жириновский уходит, от ЛДПР ничего не остается. И извините, не социологи, а электоральная статистика: Яблоко 2011-й год 3%, 2016-й год думские выборы 2%, Явлинский 1%. Какая-то группа сторонников остается, электоральная перспектива утрачена. Извините, за сумбурность.

Ведущий: Большое спасибо. Давайте пойдём по списку, у меня нет другого способа, как просто зачитать по порядку записавшихся. Алексей Николаевич Зубец.

Алексей Зубец (Финансовый университет): Спасибо. У меня маленькое замечание, я вот больше по экономике, по экономической социологии. На этих выборах экономическая повестка, она была более в тени, мобилизации помогли такие события, как отравление Скрипаля и масса других вопросов, то есть в значительной степени те результаты, которые мы имеем, являются следствием случайных непредсказуемых факторов мобилизации электората и это в определенной степени повлияло.

С другой стороны, на выборы повлиял рост доходов, зарплат бюджетников. Зарплаты у нас в стране растут с середины 2016-ого года, а доходы населения начали расти в декабре, январе, декабре 2016-ого, в январе 2017-ого года. И собственно, где-то с 2016-ого года у нас начался подъем удовлетворенности населения качеством нашей жизни, что в определенной степени повлияло на выборы. И важно, что за всю эту историю и за экономику, которая оказалась в тени политики и демонстрация военных игрушек, мы из Звездных войн, за весь этот базар придется отвечать.

То есть экономика, экономическая повестка, которая в силу определенных обстоятельств съехала в сторону, она никуда не делась. Придет время и время не слишком длинное, когда эта повестка снова вернется в фокус внимания и народу необходимо будет предъявить экономический результат, которого пока не видно, потому что у нас нет на сегодняшний день картины будущего, у нас нет идеологии экономического роста и не ясны перспективы экономического развития. Я думаю, что на ближайшие годы эта история будет гораздо более важна, чем она была на последних выборах. Спасибо.

Ведущий: Спасибо. Будем продолжать нашу линию обсуждения, будет продолжать Виктор Константинович Левашов Фонд социальных, политических исследований.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Коллеги, у меня два замечания к сегодняшним докладом. Большое спасибо докладчикам, они много нам рассказали. У меня просьба, может, пожелание, мне кажется, что методически сегодня были доложены такие детали, которые уже мой старший ум к концу, старшая голова к концу дня хватала, наверное, процентов на 10-15.

Я уже где-то, так сказать, дремал на тонкостях методических, вот методического искусства. То есть о чем идет речь. Речь идет о том, что мне представляется, что было

бы интересным обсудить, действительно, каков был прогноз, каков был результат, каков получился зазор и каковы факторы вот этого зазора. Содержание политического процесса, как прошла электоральная кампания, и как прошел политический процесс, что не удалось угадать в прогнозных предпосылках, что вы не заложили в методику. Я еще раз говорю, прекрасные доклады в своей методической тщательности и точности, но они настолько точны, что вот так на слух сразу без предварительного материала, который был на раздаче, трудно ухватить, очень тщательно.

Вторая проблема, которая, мне кажется, начинается у нас, это проблема цифровизации электорального процесса. Знаете, что, мне начали задавать вопрос, вот сидят наблюдатели на участках, вот они смотрят, как бюллетень пошел в КАИ, а кто внутри КАИ посмотрит, как этот бюллетень считают и правильно ли там считают. Почему? Потому что какой-то прозрачной процедуры вот этого сервисного аудита, сервисного процесса в настоящее время не показано, то есть сидят наблюдатели, бюллетень идет в КАИ и потом появляется результат. Напоминает эта сцена что-нибудь? Мы вам напоминаем. Поэтому о чем нам надо поговорить уже, нам, наверное, надо поговорить о гражданском или социальном аудите подсчета голосов, каким образом он должен быть выстроен.

Мне представляется, что вот в этот зазор после того, как произошло голосование и будет происходить инаугурация президента, гражданские общественные организации должны провести сверку, сверку тех бюллетеней, которые пошли в КАИ и которые были просчитаны на основе вот всех этих цифровых технологий и сведены в единый бюллетень, и вот сверку с ручной процедурой подсчета, то есть опять же, на основе математической выборки какой-то по стране должны быть выбраны какие-то контрольные пункты, контрольные участки и там тот результат, который записан в бюллетень с помощью подсчета цифровых технологий, должен быть проверен с помощью подсчета ручными технологиями, вот в этом случае мы получим уверенность и мы получим, так сказать, подтверждение легитимности той процедуры, потому что эта проблема действительно есть.

Если граждане задают этот вопрос, если студенты задают вопрос: А кто мне скажет, что там в этом черном ящике произошло, каковы там механизмы, а может быть, там у него у черного ящика какие-то свои политические интересы, а, может, у того человека, который составил эту программу, свои политические интересы. Понимаете, здесь есть проблема. Мне представляется в нашем профессиональном сообществе социологов и политологов, нам надо, может быть, поговорить об этом.

Реплика: Вы хотите честных выборов опять? (смеются)

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Я хочу, я хочу, чтобы мне не было стыдно.

Реплика: Обычно по КАИ у власти результаты значительно ниже, чем они вручную считают. Может, мы не досчитали власти процентов пунктов десять.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Понимаете, может, здесь по этим выборам можно о многом интересном происходить, о динамике новой, которая появилась.

Реплика: Действительно напоминает аргумент Говорухина, который в 1996-ом году был доверенным лицом Зюганова, вот он говорил точно то же самое, что и вы.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Что он говорил?

Реплика: Он говорил, что Зюганов проиграл потому, что КАИ неправильно считает.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Мне уходить нужно. Если не против, я люблю ВЦИОМ, но не до такой степени, чтобы на совет ходить в бабочке, у меня еще одно мероприятие, я выступаю. Значит, я хотел сказать, во-первых, спасибо, за... Вторых, спасибо докладчикам, очень интересно. Конечно, техника сложна, особенно для экономистов, потому что терминология даже другая, но я так пишу обычно на хаб диск, потом разбираюсь. Шестой формула новичка была тяжеловата для запоминания, но как потом, так понятна. Потом почитаю, спишем, разберемся, воспроизведем сами. Но хотел сказать, что я это всегда слушаю именно как социолог, то есть я прихожу не как экономист послушать политологов, получить некоторое такое тяжелое удовольствие, что вот люди как-то совершенно иначе.

Я этих всех людей, которые голосуют, все время вижу как социологов и потом вспоминаю, как они голосуют. Значит, у меня нет расклада по богатству, по доходам, не делал. Как голосовали, меня не регионы волнуют, я привык, я со ставки Хрущева слежу за нашей политикой со второго курса с убийства Кеннеди с первого курса за их. Насколько я знаю, американские прогнозы такие самые дорогие, которые почти не публикуются, это на 200 групп, считай такие, такие, такие возрастные. У нас все-таки хотелось, но понимаю, что это дорого и морочно. Но все, что не имеет расклада, как голосовали по доходу, оно же просто не вписывается, это невозможно разместить их вот в таком виде. Я их принимаю, как сказать, но, прежде всего, с точки зрения социолога нужно иметь разбивку на доходы. Второе, я смотрю, какие социально-психологические там, образовательные группы и так далее, где-то у нас там была когда-то интеллигенция, но понятно, что она как-то поределась, перековалась, где-то зажирила, где-то вымерла, где-то уехала, мы тоже это все понимаем.

Мы понимаем, что у нас было когда-то две партии, одна грызла другую и умерла от этого процесса, нет правого дела, ничего похожего, просто нет. Мы как-то об этом забываем, мы так привыкли уже, мы так давно привыкли, что их нет, что продолжаем говорить об исчезновении Явлинского. А эти-то куда делись? А куда делся электорат? Это как-то, вроде, уже им неинтересно, потому что мы занимаемся... Я понимаю, что вы занимаетесь конкретной выборкой и результатами, и прогнозами. Но хотелось бы все-таки, потому что Титов с его странным электоратом, вообще его не воспринимаешь. Я помню на совете, который работал по прогнозу две недели, примерно, назад, всерьез обсуждали Собчак, для меня это фейк, социальный фейк. Я понимаю, что в политической власти она есть, она реальна, что под 3% ей обещали. С моей точки зрения, это чисто социологический фейк, значит, для игрушки сделали. Этот проект, скорее всего, будет жить в какой-то форме. С моей точки зрения, в социальном плане он такой же нулевой и гораздо меньше перспектив, чем Жириновского.

Реплика: У нас есть только данные анализа по возрастным группам.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Там молодежь набралась какая-то? Набралась. Это у вас она набралась. Она через год постареет и... Вы знаете, все-таки... Я предлагаю в порядке эксперимента перечитать всем неожиданную такую вещь, как 25 главу первый том Капитала Карла Маркса, в котором, кстати, 1 мая будет 200 лет, я только недавно интервью по этому поводу давал, про запас. А все помнят только 24 главу, где все взрывается и всех понесли и пролетариат забрал власть. А есть 25, где он объясняет, что в Америке, поскольку приезжавшие создавали профсоюзы, партии во время подъемов, во время кризиса все бросали и уходили на запад в фермеры и не сохранилась традиция.

Там много, во-первых, что объясняет и сейчас в американской истории и в политологии, но он это тогда понимал, он на 24 кончил теорию, на 25 как трезвый социолог и политолог написал, почему все так должно быть правильно, но, вроде как, относится это к Европе, а к США это вообще не относится. Поэтому, на мой взгляд, все-таки было бы хорошо не просто провести, так сказать, призыв в данном случае без спешки, у нас теперь уже все ясно, пока ничего не горит, осталось только узнать, что там с этим отравленным из актуальных новостей, все остальное неважно, политически на данный момент.

Реплика: Что это, Путин с Трампом встречаются.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Это... Нет, много хороших новостей, я про плохие. Что я буду про хорошие? Я хотел сказать, надо все-таки как-то раз в жизни собраться социологам с политологами и посмотреть реально как социальные группы голосуют и какие потенциально могли бы быть комбинации не по конкретным фигурам данных выборов, а, в принципе. Общество-то, оно, понимаете, это мы его расщепили на экономику. Я вынужден, я читаю лекции в том числе по политологии, разница между англо-саксонским, континентально-европейским и азиатскими капитализмами, все... Я различаю итальянскую, итальянскую и американскую по организации, так, что, скажем так и, причем, гораздо просто.

Раньше это зависело от мощности машин в правительстве. Я просто хочу сказать, что я вынужден объяснять людям иностранцам магистерский курс, магистрам такие дела, я начинаю объяснять, пусть мы берем верхушку, то люди, которые в социологии, финансовой элиты, в экономике, это одни и те же люди, что средний класс, он влияет на всякую устойчивость общества только взяв гражданское общество, они как средний класс. Средний класс, там надо разбирать, что он из себя такое представляет и так далее, и так далее. Но это мы расщепили этих людей на три этих самых. Давайте их один раз... Конечно, как говорил Ленин, прежде, чем объединяться, надо размежеваться. Давайте мы один раз объединимся и посмотрим, что же получается на этих выборах партийными глазами социологии.

Реплика: У нас уже есть тема для следующего заседания.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Прямо так?

Реплика: Подумаем, давайте скооперируемся.

Виктор Левашов (ИСПИ РАН): Я готов как-то в этом поучаствовать, хотя я больше этими занимаюсь, чем этими, но все равно. Спасибо.

Ведущий: Олег Владимирович Бондаренко, Фонд прогрессивной политики.

Олег Бондаренко (Фонд прогрессивной политики): Спасибо большое, Степан. Я не социологи, могу сказать только вот, что больше всего из этих выборов меня заинтересовало, это то, как распределился этот электорат среди пока вот этих политиков. Пожалуй, самое интересное, это то, что если раньше представитель КПРФ всегда собирал исторически электорат возрастной, сейчас весь возрастной электорат ушел под Владимира Владимировича Путина и удивительным образом, это даже показали определенные замеры, в том числе после эфира Дудя, Грудинин, вдруг, взял какую-то часть молодежи, которая вообще не ходила на выборы, а теперь она пришла и я не говорю, что значительная часть, я сейчас не буду эти цифры приводить, мне кажется, это нужно вообще проводить отдельные мероприятия, особые исследования, это слишком серьезная тема, но какая-то часть и среднего возраста людей, молодежи выбрала сейчас, вдруг, представителя, выдвинутого компартией, что для меня было, в общем-то, наверное, чем-то таким новым и удивительным и нуждающимся в осмыслении.

Потому что следующий вопрос, хорошо, у нас президентский электоральный цикл если не будет форс-мажоров, теперь будет только через шесть лет, но у нас будут парламентские циклы, регионов, у нас будет Госдумы и так далее, а как это отразится в наших внутрипартийный расклад. То, что эти выборы стали, безусловным, абсолютно однозначным концом бывшей политической системы, существовавшей в Российской Федерации до сегодняшнего дня, для меня, например, абсолютно очевидна. Партии, которые представлены на сегодняшний день в Государственной Думе, опять же, за исключением КПРФ и Единой России, которая формально не имела своего кандидата, они, в принципе, уже стали безусловной частью нашего новейшего политического прошлого. И ЛДПР, которая без Владимира Вольфовича объективно не сможет просуществовать и месяца, как единая партия, и не говоря уже о несчастной Справедливой России, которая даже не попыталась выдвинуть никого на этих выборах, как она делала это иногда раньше. Что будет с этими партиями?

Ничего хорошего, на мой взгляд, и уже в самое ближайшее время, с точки зрения запросов общества и с точки зрения, называю вещи своими именами, запросов российской власти, персонифицированной в конкретных деятелях нашей администрации, это будет связано с необходимостью появления новых лиц во главе старых партий, в первую очередь, это касается КПРФ. Конечно, Геннадий Андреевич Зюганов при всем моем громаднейшем уважении, он будет стремиться сохранить себя в качестве бессменного лидера компартии до тех пор, пока он сможет это делать физически, дай бог ему здоровья. Но есть запрос на смены, на появление новых лиц и запрос везде. Значит, этому запросу, так или иначе, эта партия будет соответствовать. Если она, в принципе, захочет сохраниться как актер политический сегодняшний. Вот, пожалуйста, в

сентябре будут выборы у Андрея Крючкова представителя КПРФ, в Иркутской области у губернатора Левченко будет выбираться ЗАКС, это как минимум из тех, кто сейчас представляет КПРФ, не говоря уже о других деятелях. Отдельно стоит упомянуть, наверное, тоже к моей радости, такой очевидный факт, что спойлерство на президентских выборах оказалось ничтожным, не сработало.

Оно работает в каких-то мэрских историях, в одномандатных историях, все мы помним Светлана КПРФ 2003-й год и так далее, а вот в президентской истории она оказалась ничтожной при том, что Сергей Николаевич Бабурин, вроде как, не вчера появился на политической сцене и имеет определенную известность, и даже такой коммунист как товарищ Максим при известной активности смог набрать только ничтожные доли процентов, которые... И это, наверное, хорошо, потому что президентские выборы – это серьезная игра. Как дальше вся эта история может экстраполироваться на какие-то региональные расклады в той же самой Москве, где у нас ожидаются совсем скоро мэрские выборы, тоже, мне кажется, отдельная очень интересная тема для отдельного мероприятия. Я не буду занимать много времени, хотя очень много чего интересного есть. Спасибо.

Ведущий: Такое отступление политологическое, которое определяемо в какой-то степени и не позволяет нам окончательно погрузиться в наши цифры.

Григорий Кертман (ФОМ): Я как раз буду больше вообще не про политологию, интерпретацию, а как раз про цифры, методы. Добрый вечер. И после этого, как помните, в старой шутке, хватит о добром. На самом деле, несмотря на блестящие результаты по экзит-поллам, вся сложившаяся история меня безумно расстраивает по целому ряду обстоятельств. Во-первых, несмотря на то, что мы все, вроде как, в цифровой экономике и даже ВЦИОМ теперь в блэк чейне, на самом деле, да, точно так же, как и Росстат, не поменял никак технологию сбора данных со времен Баскаков, вот точно так же и анализ электоральных процессов у нас никак не поменялся со времен господина Гэллапа. Несмотря...

В первую очередь я имею в виду электоральную статистику. Почему до сих пор никаким образом ни политологи, ни социологи, ни представители любых других профессий, которые могут предлагать свои решения людям на старой площади и центра избиркома не предложили маркировать бюллетени для того, чтобы постфактум анализировать социо-демографический портрет проголосовавших, мне непонятно. При том, что сделать это, начиная от марок, да, просто на просто наклеивать марки, в Германии вообще по полу разного цвета есть, был опыт с бюллетенями. Социо-демографический портрет. Крайне интересно и любопытно было бы посмотреть, как менялся процент голосов в зависимости от времени голосования.

Точно так же как отклонение в экзит-полле по Единой России, которое сложилось в 2016-ом году, с моей точки зрения, объяснялось не учетом банально истории с технологическим приводом, да, то есть когда кампания один плюс десять и те люди, которые занимаются этим самым приводом, да, причем они занимались же приводом не за Единую Россию, а приводом за мажоритарщину, и на автопилоте, поскольку за

мажоритарщиков должны были приводить только у тех мажоритарщиков, которые были от Единой России, то они автоматически ставили галочку еще за Единую Россию, но ни в каком экзит-полле люди, которым только что заплатили за привод, они, естественно, участвовать не будут и доля отказавшихся как раз поэтому и сказала. Вот точно так же и здесь, да, мне очень интересно было бы посмотреть, я думаю, на экзит-поллы данные ВЦИОМ и ФОМ есть, как менялись проценты у кандидатов и как менялась явка по времени, да, и на самом деле пугающая история с тем, что 36 или 37% отказались отвечать и настолько точно попадание.

Это значит, что те, кто не ответили, распределились ровно в такой же пропорции. Это заставляет задуматься о другой вещи, которой как бы все давно забыли, но мы экспериментировали еще в 2003-ем году на думских выборах, когда экзит-полл делали на мини выборках. По сути, выборка как опросная 1500 респондентов, но с учетом социо-демографических параметров прогноза по явке. И тогда мы делали это по Петербургу и попали абсолютно точно в яблочко. Почему таких экспериментов до сих пор не проводится, мне тоже непонятно. Почему мы продолжаем опрашивать тысячи и тысячи на экзит-полле.

Вернусь к электоральной статистике, анализа электоральной статистики с точки зрения математических методов и анализа ретроспективного точно так же внятного нет. Мы сейчас, когда начали проводить проект «Социосталкер», да, вот как раз к разговору о том, а что стоит проверять после окончания выборов, стоит ли пересчитывать бюллетени в КАИ, мы решили, что надо посмотреть те УИКи, которые системно отклоняются от общего распределения. Но, опять же, никаких принципов выделения этих самых отклоняющихся УИКов с математической точки зрения, да, ни сектор любителя Шпилькина, ни сектор противников Шпилькина до сих пор не предложила. То есть анализ электоральной статистики сейчас находится, приблизительно, на том же уровне и в силу того, что и база данных ЦИК, их анализ, простите, я закончил в 2005-ом этим заниматься, погрузившись сейчас, я ощутил, что мне было безумно грустно, что, в принципе, мы там же и находимся, да, никто никаких внятных вещей не предложил. Поэтому в первую очередь, мне кажется, что сейчас надо говорить не о развитии методов, здесь и ФОМ, и ВЦИОМ ушли далеко вперед, кстати, академическими экспериментами вообще перестали заниматься просто напросто. Если бы этим не занимался ФОМ и ВЦИОМ я не понимаю, где бы сейчас вообще находилась прикладная социология в нашей стране.

Вот поэтому, скорее, нам надо сакцентироваться при анализе электоральных процессов, во-первых, на получение реальных биг дата от Центризбиркома и сравнение их, тогда мы сможем говорить о том, насколько методы, которые используют социологи, корректны. Потому что сейчас мы все-таки, мы уже не раз здесь на круглых столах обсуждали, что мы сравниваем с данными ЦИК, а насколько данные ЦИК отличаются от реальности – большой вопрос каждый раз. Сейчас они, наверное, в наименьшей степени отличаются, но я говорю, если мы сравним по времени, я думаю, что как раз мы найдем ту причину, почему у ВЦИОМ разница Единой России где-то отличается и по явке, и, опять же, причина, почему прогноз и ФОМа и ВЦИОМа отличается где-то на эту

же дельту в 2-3% от результата Единой России и от явки. Вот об этом стоит думать и говорить, и вообще все сообщество должно сконцентрироваться на этом, как нам данные, которые у нас есть электоральной статистики и самого голосования применить к нашим социологическим исследованиям. Спасибо.

Ведущий: Спасибо, Григорий. Кто еще? Константин Эдуардович.

Константин Калачев (Политическая экспертная группа): Я скажу так, что я, наверное, единственный человек, который приехал из глубинки из полей. На этих выборах я отвечал за градообразующие предприятия, за сам город, где расположено это градообразующее предприятие. Скажу несколько вещей с предельной откровенностью.

Первое, почему мне все понравилось, что говорили коллеги, да, из ВЦИОМ и ФОМ, я непосредственно на полях участковых избирательных комиссий подтверждаю, что да, угадали, молодцы, спасибо. Вот честно, при всех там возможных вариантах с технологиями, которые могут быть применены, все очень, очень хорошо в этот раз, во всяком случае - это первое. Второе, феномен Грудина коллега поднимал, мы сейчас решили его изучить. Мы просто изучали социальные сети и что мы заметили, возможно, это будет интересно всем, действительно, электорат этого человека, этого Павла – это не электорат, совпадающий с электоратом КПРФ и Зюганова. У нас вот именно по региону очень большая так называемых навалыщиков, они как будто команду получили за него голосовать. Вот я не знаю, кто и как, но по социальным сетям мы отследили это, то есть гиперподдержка со стороны всех активистов протестных именно Грудина, ни кого-то иного, ни Собчак. Вот не Собчак, именно его, то есть именно Грудина при том, что он левый и прочее, прочее, прочее.

Поэтому, кстати, это, видимо, первая часть Марлезонского балета, что что-то дальше будет. Вот интересно, кто он, почему так происходит, вот этот вопрос, который у нас появился. И главное, мне кажется, чтобы удалось власти, тоже в каком-то смысле снимаю шляпу, то есть я говорю о больших технологиях, вот это последние 2-3 недели перед выборами, когда с одной стороны, сняли экономическую повестку в достаточно сильной степени и все-таки ввели политическую повестку, условно говоря, не сколько вы мне дадите денег, в зависимости от этого я за вас проголосую, а все-таки послание федеральному собранию с международной страшной компонентой сделала свое дело, она сработала. Мы просто, опять-таки, отследили по нашим внутренним опросам по городским. То есть народ, когда пришел на плебисцит, он действительно делал выбор между жизненно важными, жизнеопределяющими вещами и то, какой размер зарплаты и пенсия. Вот так вот.

Реплика: Извините, один момент: оно сделало, оно подняло от 65 до 67, оно не судьбоносно. Судьбоносной была история 54 или 56 миллионов абсолютных голосов. И в итоге 54 не получалось, да, в итоге получилось на выходе 56. Почему, тоже вопрос динамики.

Ведущий: Дискуссию отложим в кулуары.

Реплика: От лица избирателей хочу поблагодарить ФОМ и ВЦИОМ. Сегодня прозвучало слово легитимность, легитимность результатов зависит от точности прогнозов, от точности экзит-поллов. Я не думаю, что угадали, я понимаю, как работали, я имею некоторые прогнозы, прогноз ФОМ по Якутии, который чуть-чуть разошелся с реальностью, демонстрируя административный ресурс от республики. Я думаю, что с методическими новациями, без них очень важно на самом деле, чтобы результаты прогнозов в нашей стране, где к выборам отношение недоверчивое, и многие не верят в честность процедуры, чтобы точность прогнозов была, тем более, точность прогнозов публичных. Что же касается самих этих выборов, я думаю, что они типичны, поэтому прогноз настолько точен, потому что как это было ранее сказано, избиратель, не та часть, которая в плебисците, а та часть, которая приходит на участок с мыслью, если не Путин, то что я делаю. В этот раз пришел позитивно настроен. Спасибо избирательным комиссиям, которые создавали настроение праздника. Я заключил пари по поводу результатов. Я ошибся с одним человеком с Грудининым, я считал, что больше 15%. Я не мог догадаться, что за день голосования появятся дополнительные сведения о его счетах, я рассчитывал все-таки на выборы последнего дня, на не определившихся, на тех, кто придет с мыслью, а что будут делать, если не за Путина, за кого голосовать. Голосовать за того, кто представляется самым сильным и самым гонимым из кандидатов. Я, конечно, сказал, что эти выборы были действительно максимально честными и прозрачными, хотя в любом случае есть определенные влияния, например, когда мы получаем данные по Дальнему Востоку, мы понимаем, что вся остальная Россия начинает на них ориентироваться. Мне интересно, будет ли когда-нибудь такая ситуация, когда данные Дальнего Востока будут среднероссийскими или так всегда будут оставаться ниже среднероссийских и какое отношение к этому имеют админресурсы. Хотя я знаю, какие-то непонятные мне действия, которые приводят к тому, что Дальний Восток каждый раз дает результат ниже среднероссийского, хотя, собственно говоря, есть региону куда более депрессивные, та же самая Республика Тыва, например, где огромное количество безработных, где масса проблем и так далее.

Реплика: Самая высокая явка в стране в Тыве.

Реплика: Да, совершенно верно. Так вот на самом деле очень хорошо, что региональный аспект, административные ресурсы, прочие разные детали не повлияли на прогнозы, поэтому от лица избирателей приношу благодарность. Легитимность растет, доверие растет, результат есть.

Ведущий: Спасибо. На этой мажорной ноте прервемся до следующего нашего заседания.